

Я — АКТЕР...

Рассказывает народный артист
РСФСР Александр Калягин1. Найти своего режиссера.
(Монолог).

О театре я мечтал с детства. Но пришел в него не сразу. Сначала окончил медицинское училище, работал фельдшером на «скорой помощи», потом поступил в медицинский институт. Родные уговорили. Хотели, чтобы я получил какую-нибудь более надежную, чем актерская, профессию. Подстраховывали меня на случай неудачи, как я теперь понимаю. После второго курса медицинского института я решил не мучить больше ни себя, ни медицину и поступил в Шуйкинское театральное училище.

Во МХАТе работаю 12 лет. До этого два года был в Театре на Таганке, три — в Театре им. Ермоловой. Понимаете, для актера очень важно найти свой театр, своего режиссера. Театр на Таганке я и сейчас люблю, но как зритель. А работая там, довольно скоро понял, что это не мой театр. Главная задача, которая ставится там перед актером, — в любом образе донести только идею образа. Поэтому там на сцене сталкиваются не характеры, а идеи. А в психологическом театре от актера требуется создание характера, типа, образа.

Я перешел в Ермоловский театр. Это сейчас он вполне благополучен, и зритель туда ходит охотно, а тогда он был — страшно себе представить — одним из худших в Москве. Билетеры сгоняли зрителей с балкона в партер, чтобы заполнить хотя бы первые ряды. Друзья удивлялись, как это я из самого популярного театра перешел в самый непопулярный. Но здесь я много играл. Хотя перед полупустым залом, а играл. А дальше вмешался элемент везения, который вообще очень важен в актерской жизни. В театре готовился спектакль по гениальной повести Гоголя «Записки сумасшедшего». Играть должен был народный артист Георгий Вицин. Но он по какой-то причине играть не смог. А постановка была уже запущена в производство, приглашен режиссер со стороны, делались декорации. И выбор пал на меня.

После этого меня заметили, стали приглашать и в другие театры, и в кино. Четыре кинорежиссера сыграли важную роль в моей жизни. Абрам Матвеевич Роом (свою

первую большую роль, Букеева, я сыграл в его фильме «Преждевременный человек» по пьесе Горького «Яков Богомолов»). Виктор Титов («Каждый день доктора Калининской», «Чудо с косичками», «Здравствуйте, я ваша тетя»). Никита Михалков («Свой среди чужих, чужой среди своих», «Раба любви», «Неоконченная пьеса для механического пианино»). И Расим Оджагов («Допрос»).

2. Артист и его роли. (Диалог).

— После роли Платонова в «Механическом пианино» в вашей творческой биографии произошел перелом. От ролей слабых, безвольных людей, отнесенных жизнью в угол, вы перешли к ролям людей сильных, волевых, активно относящихся к жизни. В театре — Шиндин в постановке пьесы А. Гельмана «Мы, нижеподписавшиеся», в кинематографе — следователь Сейфи в «Допросе», архитектор Денис в «Подранках» у Николая Губенко и другой архитектор — Минченко в картине Андрея Смирнова «Верой и правдой»... Насколько организован был для вас этот переход?

— Думаю, что все нужное, чтобы играть «стержневые» роли (то есть роли таких людей с твердым волевым стержнем), во мне уже было. Просто накопился человеческий и актерский опыт — и все это вдруг «выстрелило». Во всяком случае, такого отношения ко мне со стороны режиссеров не было: мол сыграл Калягин неожиданную роль себя роль — и прекрасно, пусть теперь снова берется за свое, привычное. Конечно, очень много дала мне встреча с образом Платонова, с чеховским творчеством, с Никитой Михалковым. Он прекрасный режиссер, но я хотел бы в первую очередь отметить педагогический дар Михалкова. Актеры в его фильмах вдруг оборачиваются невиданными еще гранями. Для этого нужно иметь и смелость, и прекрасные педагогические способности...

— Вскоре после выхода на экраны «Неоконченной пьесы для механического пианино» ваш портрет в роли Платонова был опубликован на обложке журнала «Искусство кино». Может, это чисто

субъективное впечатление, но что-то в этом портрете подсказывало: в возможностях Александра Калягина работа над образом В. И. Ленина...

— Тогда я еще не мог предположить, что буду играть роль В. И. Ленина. Хотя... еще задолго до того, как во МХАТе началась работа над пьесой Михаила Шатрова «Так победим!», я снимался на студии «Азербайджанфильм» в картине «Допрос». И после одной из сцен кто-то из присутствовавших на съемочной площадке сказал мне, что я мог бы сыграть роль Ленина...

— Думается, что на эту мысль наталкивал социальный-нравственный заряд вашей работы в «Допросе». Чем дорога вам роль следователя?

— Знаете, началось все неожиданно. Как-то получил я письмо со студии «Азербайджанфильм». Меня называли «Дорогой Алексей Алексеевич» и предлагали сниматься в фильме «Допрос». С чувством юмора у меня все в порядке, поэтому я не обиделся на то, что бакинцы перепутали мое имя и отчество, но особого желания сниматься не было. Однако вскоре мне прислали сценарий. Имя режиссера Расима Оджагова в то время мне еще ничего не говорило, но автором сценария был Рустам Ибрагимбеков, которого я знал как прекрасного драматурга, играл во МХАТе в спектакле «Положий на льва». Прочел сценарий. И понял, что обязан сыграть эту роль, чтобы выразить свое отношение к тем негативным явлениям нашей действительности, о которых шла речь в сценарии. Я — актер, я могу выразить свою гражданскую позицию только сыграв, создав образ...

— Спектакль по пьесе М. Шатрова «Так победим!» —

принципиально новое слово в театральной Лениниане. Насколько работа над образом В. И. Ленина потребовала пересмотра традиций, сложившихся в театре и кино по отношению к великому образу?

— Менее всего мы думали о внешней «похожести», о внешнем рисунке роли. Одно время мне казалось, что можно сыграть роль без портретного грима — как это делается в спектаклях по другой пьесе Шатрова «Синие кони на красной траве». Но постановщик спектакля Олег Ефремов меня переубедил. Я даже не задумывался над вопросом, есть внешнее сходство или нет. Кроме некоторой картавости, нужной для речевой характеристики образа, здесь нет привычных деталей. Нет штампов, нет никаких «жилетных» поз. Все — через внутреннее состояние, через внутреннее проживание роли.

О Ленине почему-то было принято говорить, писать, ставить спектакли и фильмы как-то умиленно, бесконфликтно. Исключение — разве что фильм «Шестое июня» — тоже по пьесе Шатрова. А ведь вся жизнь Ленина — это борьба, политическая борьба, насыщенная драматическими и — не будем бояться этого слова — трагическими ситуациями.

В основу спектакля «Так победим!» положен подлинный исторический факт. В октябре 1923 года Ленин, только начинавший чуть выздоравливать после тяжелой болезни, настоял на том, чтобы приехать из Горького в Москву, в Кремль. Он пробыл в своем кабинете в Кремле 15 минут.

О чем думал Ленин в эти минуты? Авторы спектакля, используя право художника на домыслы, решают спектакль, как размышления Ленина о самых драматических моментах в судьбе революции. Спектакль длится три часа — и все три часа, по существу, длится монолог Ленина, хотя в пьесе много действующих лиц, занята вся труппа.

Я убедился, играть Ленина можно лишь тогда, когда настоящему ненавидишь все то, что мешает нам жить. Поймите: не просто думаешь — это, мол, нехорошо, а именно ненавидишь, и эти негативные явления бесят тебя. Только тогда достигается синтез текста роли и твоего внутреннего состояния, только тогда имеешь право — нравственное, гражданское, художественное — на создание великого образа!

Беседу вел
БОРИС ТУХ